

IV.

Макс Ферворнъ. Развитие человеческого духа. Москва, 1913 г.

Настойчивое желаніе гносеологіи стать законодательницей науки вызываетъ со стороны научныхъ работниковъ не только протестъ, но и попытки создать самостоятельную научную философію, осознать свои богатства. Научная философія является наиболѣе зрѣлой и совершеннѣйшей въ формѣ эмпириокритицизма. Вольно, или невольно, къ эмпириокритицизму влекутся остальные—частныя и мелкія образованія научной философіи. М. Ферворнъ уже не впервые проповѣдуетъ свое философское ученіе, свой *кондиціонизмъ*. Въ чемъ сущность кондиціонизма? Отрицательно, кондиціонизмъ—*яростный противникъ всякой философіи причинности: истина тамъ, гдѣ conditio, а не causa*. Какъ бы не истолковывать причину (*causa*)—она остается подозрительной, изъ нея не вышелушишь никогда *творческаго* ядра. *Conditio*—условіе—свободно отъ всякаго творческаго, порождающаго момента, оно знаетъ лишь чистые факты, обрамленные, а не порожденные. Въ мірѣ нѣтъ одиночества: все соотнесено, обусловлено. Нѣтъ отдѣльныхъ сущностей—самостоятельныхъ и творящихъ. Всеобщая обусловленность приводитъ къ взаимной переплетенности: въ любомъ явленіи суммируется множество слагаемыхъ—факторовъ. Но эта множественность не исключаетъ, а требуетъ опредѣленности, закономерности. Закономѣрность, какъ функція, какъ общая формула,—сводитъ и слагаетъ элементы, а не производитъ, не порождаетъ ихъ: всякое, самое многовидное событіе не больше и не меньше своихъ условій. И такъ какъ событіе сложено, то всѣ слагаемыя равно-цѣнны, равно-необходимы. Вотъ, въ общихъ очертаніяхъ, содержаніе кондиціонизма, содержаніе везатѣйливое, насквозь прозрачное. Предъ нами безхитростный толкъ механистическаго міропониманія.

Но, можетъ быть, это содержаніе, воплощаясь, приобретаетъ, если не глубину, то извѣстную новостъ и занимательность? Каково внутреннее строеніе кондиціонизма? — Первоисточникомъ духовной жизни являются чувственныя ощущенія; изъ нихъ—и мысли, и чувства, и воля: изъ нихъ вся сложная механика духа. Самыя ощущенія—плодъ взаимоотношенія міра и нервной системы, а вся механика духа—

разросшаяся сеть ассоциаций, обусловленных „функциональной дифференциацией нейронов“. Подборъ мыслей и приспособленіе ихъ къ фактамъ—„комплексамъ ощущений“—и образуетъ суть логики.

Предъ нами обычный, грубоватый сенсуализмъ, слегка овѣянный современнымъ состояніемъ физиологии (ученіе о нейронахъ), и... только.

Достаточно вспомнить, родственныя Ферворну, построенія Маха и особенно Авенаріуса, чтобы почувствовать всю поверхностность и неинтересность кондиціонизма. Несомнѣннѣ наивный догматизмъ въ ученіи о чувственномъ ощущеніи, какъ перво-данности, который сразу очерчивается, если привлечь для сравненія ученіе Маха о первоначальныхъ „элементахъ“. Не говоримъ уже о томъ, что у Авенаріуса наряду съ „элементами“ принимаются „характеры“. а ученики Авенаріуса (Петцольдтъ) придаютъ „характерамъ“ все большее и большее значеніе. Самое раскрытіе кондиціонизма, отстраняющее всѣ запутанныя, но имѣющія опредѣленное значеніе, проблемы гносеологии, лишаетъ кондиціонизмъ внутренняго богатства и внутренней прочности. И, опять, достаточно вспомнить анализъ „характеровъ“, данный Авенаріусомъ, его ученія о сознаниі, чистомъ опытѣ, интроспекціи..., чтобы выступила бѣдность и блѣдность кондиціонизма. Отъ него, въ концѣ концовъ, остается лишь невнятное требованіе механистическаго и сенсуалистическаго міропониманія. Но это слишкомъ мало и для современнаго философскаго сознания, черезчуръ утонченнаго и искусеннаго, и тѣмъ болѣе для живого сознания, ищущаго цѣлостнаго единства, порождающаго жизнь, а не рассыпающаго на безконечно-многія околки-условія.

Такъ же многозначна и вѣщная, нарисованная Ферворномъ, *исторія* духа.

Устанавливается три основныхъ этапа со многими подраздѣленіями. 1) Вѣкъ чувственно-импрессионистическаго духа (третичный періодъ). 2) Вѣкъ наивно-практическаго духа (конецъ третичнаго и начало диллювіальнаго періода). 3) Вѣкъ теоретическаго духа (съ конца палеолитическаго періода до нашего времени). Оставляя въ сторонѣ туманныя гаданія о первыхъ двухъ вѣкахъ, остановимся на третьемъ. Онъ расчленяется на стадію догматически-спекулятивнаго и стадію

критически-экспериментального мышления. Граница—эпоха Возрождения. При чемъ, первая стадія раздѣляется на періодъ фактически-религіозной и схоластически-раціоналистической спекуляціи. Насколько внутренне-опредѣленная и цѣнна эта таблица, достаточно сказать, что въ періодъ схоластически-раціоналистической спекуляціи входитъ и греческая и римская и средне-вѣковая культура...

Кондиціонизмъ, желая во что бы то ни стало быть „прогрессивнымъ“, желая включить всѣ богатства жизни, страшно обѣдняетъ жизнь, дѣлаетъ ее плоской. Не чувствуя качественно-отличной природы сознанія и качественной множественности вообще, онъ смотритъ на всю неисчерпаемую *глубину* духа, стоя на берегу, или оставаясь на мели.

Отсюда, самыя общія, без-значныя таблицы, въ которыхъ схватываются одни отвлеченныя линіи обезжизненной мысли и теряется теченіе жизни, жизненные лики.

Кондиціонизмъ, какъ одна изъ многихъ *теорій*, оказывается, по обыкновенію, *мыслью*, хотящей *породить* то, что ей нужно. Выборка теченій жизни и построеніе желательнаго основываются на вѣрѣ въ цѣнности. Кондиціонизмъ ищетъ и хочетъ только своихъ цѣнностей и вмѣстѣ съ тѣмъ открыто заявляетъ, что онъ не хочетъ цѣнностей, не хочетъ порождающаго творчества...

Тутъ—могила всякаго чистаго эмпиризма.

С. Голованенко.